Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— РАЗРЕШИТЕ ВСТАТЬ В СТРОЙ!

КРОКОДИЛ

№ 30 (1572) • МОСКВА • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ 38-Й • ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. • 30 ОКТЯБРЯ 1959

Владимир КОТОВ

Родная и желанная

Вперед шагает
время неустанное,
и снова на дворе
очередная
пылает осень,
красная,
желанная,
она ж у нас
октябрьская,
родная!
Сегодня флаги
выше подымаются.
Свой стяг
держи уверенней
в руке ты!
Земля с Луной
сегодня
обнимаются
звенящей траекторией
ракеты!
А та
стремится к дому:
«Не своя ли я!»
(Ну как ей,
нашей кровной,
отказать!)

Луна!
Даешь свои нам показания!
Довольно
там висеть,
как изваяние,
пора ведь кое-что
и рассказать!
Пора понять
и звездностям
и млечностям,
что мы хотим
по-братски их обнять,
что им —
до самой дальней
бесконечности —
все ж не хватает
нашей человечности...
Пора
и человечеству
понять,
что на Земле-планете,
нашей матери,
оно само
и бог
и властелин.
И коль смотреть
в грядущее
внимательно,
наш мир
в своей судьбе
неразделим.

Война —
так никому
не будет сладости,
и не цветам цвести —
дымить золе...
Будь мир!
И нет святее
этой святости!
Будь мир!
И нету выше
этой радости!
И нет умнее
мысли на земле.
Так пусть в одно
энергии сольются,
дерзания сомкнутся
и дела!
Мы снова славим
нашу Революцию,
Октябрьскую
родную
Революцию,
что нас
в Сегодня наше
привела!
Поэзия!
Огни большие
высеки
звенящих песен,
боевых поэм!
Поэзия,
не отставай
от физики
(не отставать рекомендуем
всем!).
Вперед шагает
время неустанное,
и вот опять
в одном строю —
гляди! —
родная осень,
нам всегда желанная,
с октябрьским
красным бантом
на груди!

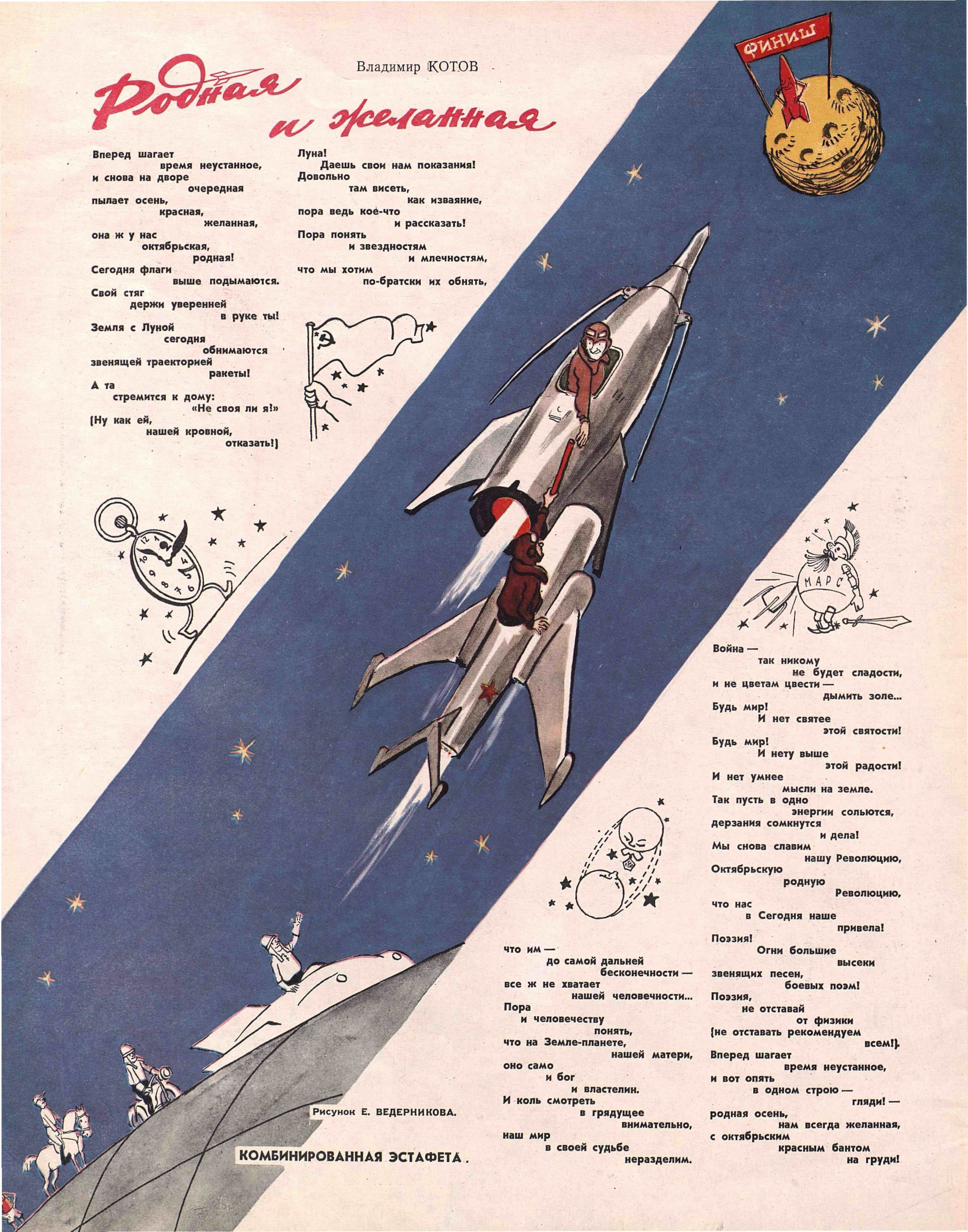


Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

КОМБИНИРОВАННАЯ ЭСТАФЕТА.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Осенняя весна

Осень 1959 года необычайна. Мы встречаем сорок вторую годовщину Октября в условиях резкого расхождения между климатом в природе и климатом в политике.

По календарю в природе — наступление зимы, заморозки на почве, оголяются леса, замерзают реки. В международной политике идет ледоход, веют теплые ветры, расцветают надежды.

Внешнеполитические статьи стали похожи на метеосводки. Международных обозревателей вернее назвать политическими синоптиками. Может быть, пришло время создать Институт международных политических прогнозов. Во всяком случае, есть уже возможность создать политико-синоптическую карту мира.

На обычной карте Антарктида считается самым холодным местом на земном шаре. Здесь нет лета, круглый год холода. На политической карте это — одно из самых теплых мест, круглый год — лето. На огромном ледяном куполе живут в мире представители разных народов. На льду нет пограничных столбов. Нет армий. Нет войн.

Громадная область тепла тянется через Азию и Восточную Европу. Здесь зарождаются теплые ветры, которые растекаются по всему земному шару. Источники этого политического тепла находятся в мирном строительстве, в стремлении миролюбивых народов к свободному труду.

В сентябре сильнейший порыв теплого ветра проник вслед за самолетом «ТУ-114» в Северную Америку. Дядя Сэм сбросил с себя шубу деда-мороза, отцепил длинную бороду и оказался довольно приятным, разговорчивым и улыбчивым человеком. В Вашингтоне потекли теплые дипломатические ручейки.

Под самым Нью-Йорком сооружена большая оранжерея искусственной погоды. Это здание ООН. В нем должна бы поддерживаться ровная температура дружбы народов. Но на деле здесь порою гуляют сквозняки. В один из коридоров выходят двери большой холодильной камеры. Что здесь такое?

Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд объясняет посетителям:

— Здесь мы выдерживаем непохороненный труп.

— Труп?!

— Да, так господин Хрущев назвал чанкайшиста. Мы его замораживаем, прежде чем выносить на заседания ООН, чтобы он не протух окончательно.

Политика иногда вступает в разительное противоречие с географией. К примеру, Северный Ледовитый океан — это на самом деле тихий и теплый океан. А Тихий океан — это ледовитый океан. В некоторых районах его бушуют холодные бури и плавают с опасностью для народов огромные айсберги.

Однако, с каким бы упорством ни держалась внешнеполитическая зима, а теплые ветры предвещают ей гибель, притом окончательную. Все меняется на земном шаре, как меняется и положение в космосе.

Есть одно существенное различие между климатом в природе и климатом в политике. Хотя люди уже водрузили свой вымпел на Луне, хотя они и увеличили число планет в солнечной системе, они еще не овладели погодой на земном шаре. Природа продолжает жить по своим собственным законам. В 1959 году она такая же, как была сто лет и тысячу лет назад. Придет зима, а за зимой весна, а там, смотришь, и снова зима, и тут ни с «позиции силы», ни с позиции разума ничего не поделаешь. Люди пока еще не могут сдать все шубы в архив и на всех широтах круглый год ходить в летних платьях.

Так было раньше и с политической погодой. Не было постоянных источников тепла. Люди не могли и не умели покончить с войной, с политическим холодом, с замерзанием мыслей и чувств. На земном шаре бушевала политическая стихия. Военные циклоны сменялись военными же антициклонами.

Вот уж сорок два года, как картина мира резко изменилась. Первое в мире социалистическое государство явилось первым политическим источником международного тепла. Долгое время это был единственный источник, и на границах Советского Союза царили политические температуры ниже нуля. Это было сплошное кольцо капиталистического окружения.

Теперь этого кольца нет. Образовался могучий социалистический лагерь во главе с Советским Союзом. В этом лагере стоит ровная температура, ясная, солнечная погода. Отсюда навсегда изгнана война во всех ее видах и разновидностях, холодная и горячая... Здесь существуют только разумные, человеческие отношения между народами. Дружба здесь — это братство равных. Коммунизм излучает могучую энергию, преобразующую природу и социальные отношения.

Сорок вторая годовщина Октября знаменует великие победы и достижения. Визит Никиты Сергеевича Хрущева в США стал историческим событием, так как миллионы людей на деле узнали, что политическую погоду можно изменить, что политическим климатом можно управлять, что стихия социальных страстей не всесильна, а война между народами не фатальна. Народы могут разоружиться и должны разоружиться. Советское предложение о всеобщем и полном разоружении прозвучало по всему миру как торжественный набат новой эпохи, призывающий народы к миру и согласию.

Международный ледоход начался. И как бы ни надували свои щеки всякие ачесоны и им подобные «бывшие» люди, они могут лопнуть от натуги, но не могут победить весну народов. Она идет. Значит, она придет.

Сорок вторая годовщина торжества Великой Октябрьской социалистической революции принесла нам победу в космосе и победу над стихией «холодной войны». Грядет победа Разума.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

— Цех-автомат прибыл на демонстрацию в полном составе.

Воздушный парад. Рисунок Е. ШУКАЕВА.

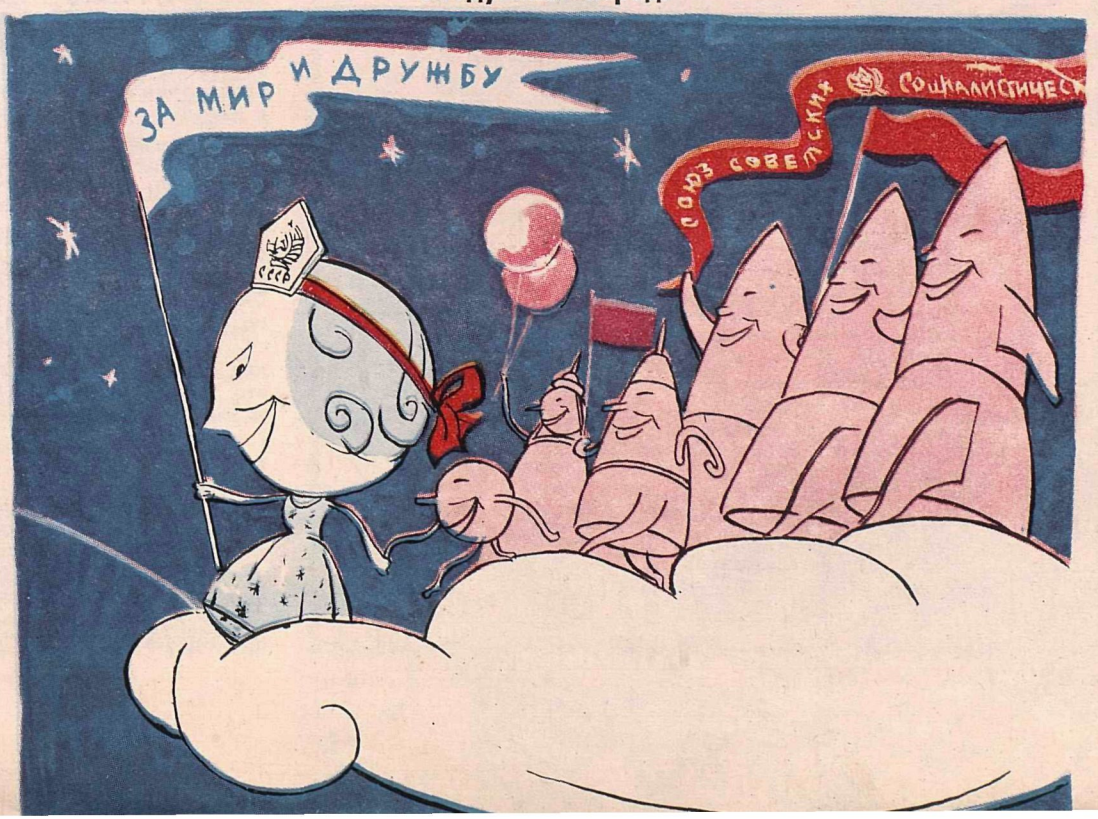


Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Без слов.

С. МАРШАК

«Сенто», «Нато» и «Сеато»

«Аты-баты, шли солдаты».
Старинная считалка.

Аты-баты, шли солдаты —
Сенто, Нато и Сеато.
Эта детская считалка
В наше время старовата.
Но, как прежде, козыряют
Сенто, Нато и Сеато
И уныло повторяют
Песни, петые когда-то.
Пишут грозные приказы,
Распускают небылицы,
Строят крепости и базы,
А не школы и больницы.
Не пора ль свезти на свалку
Сор воинственных времён,
Кончив старую считалку
Восклицаньем: «Выйди вон!»

Леонид ЛЕНЧ

На цепной

КОГДА Сережке Котикову в милиции сказали, что дело его будет разбирать во вторник заводской общественный суд в инструментальном цехе, он побледнел и, сильно волнуясь, с нелепой, кривой, умоляющей улыбкой на лице сказал:

— А нельзя ли меня... без проволочек, прямым ходом в нарсуде закатать, товарищ лейтенант?

— Это почему же тебе так не терпится за решетку, Котиков?

Сережка опустил голову; руки его, большие, с узловатыми пальцами, лежавшие на коленях, чуть вздрогнули.

— Совестно, товарищ лейтенант!

Лейтенант усмехнулся и сказал:

— Совестно?! А баллоны укатывать было не совестно?! Нет, брат, послушаешь сначала, что товарищи о тебе скажут...

И вот он наступил, черный Сережкин вторник. В гулком, огромном пролете инструментального народу собралось видимо-невидимо. Председатель завкома Иван Егорович, погладив розовую лысину, объявил собрание открытым и сообщил повестку дня. А в повестке дня один вопрос — о нем, о Сережке Котикове! И все смотрят на него одного, на Сережку. И Настя Щелокова тоже смотрит, вон ее темно-карие, осуждающие и жалеющие глаза. Эх, пропала жизнь!

Не тая ничего, Сережка рассказал все, как было. Как познакомился на заводской площади у ларька с газировкой с солидным, упитанным гражданином, назвавшимся дядей Мишей. Очень веселый, так и сыплет прибаутками. А любимая прибаутка вот какая: «Эх, жизнь-жизнешка, ржаная лепешка, маслицем помажешь, она и проскочит!». Как потом они с дядей Мишей пошли в ресторан второго разряда «Берег» и там гуляли, ели солянку сборную, гуляш, пили водку, пиво и портвейн «Три семерки», а когда подали счет, ему, Сережке, было совестно, что он оказался не при деньгах. Да и вообще рабочая гордость никогда и раньше не позволяла ему, Сережке Котикову, гулять на чужие. Дядя Миша сказал, что это пустяки, он сам за все заплатит. А Сережка сказал, чтобы дядя Миша завтра подошел к заводу и он ему вынесет свою долю за съеденное и выпитое в ресторане «Берег». А дядя Миша сказал, что к заводу он подойдет, но деньги ему пусть Сережка не выносит, а пусть лучше выкатит два — три баллончика, и они будут квиты. За такое предложение Сережка хотел дать дяде Мише по уху, но тот заюлил, засмеялся, сказал: «Для вашего завода два баллончика — это все равно, что для меня — вот! — волосок!» И вырвал у себя из черной с проседью густой шевелюры один длинный, тонкий и жесткий волос. Заказал еще портвейну «Три семерки», и Сережка сам не помнит, как пообещал дяде Мише выкатить баллончики. А уж если он что пообещал, то обязательно слово свое сдержит. И он слово сдержал, выкатил через проходную боковушку два баллона. И дядя Миша уже шагал, улыбаясь, к нему через площадь, как вдруг словно из-под земли появился милицейский старшина. Дядю Мишу как ветром сдуло. В милицию привели его одного, Сережку Котикова. Остальное известно. Вину свою он признает и сознает. И просит судить его по всем статьям и со всей беспощадностью, наказание примет безропотно.

Сказав все это, запинаясь и тяжело дыша, Сережка опустил голову и так, не поднимая головы, простоял у стены инструментального цеха до конца собрания. Можно было подумать, что это не о нем так горячо и гневно говорили многочисленные ораторы.

Лишь когда слово взял старик Шулыгин из сборного, с которым Сережка дружил и не раз ездил на рыбалку, Сережка очнулся.

Седой, с насупленными, лохматыми бровями, старик Шулыгин говорил хриплым, гулким басом. Слова он подбирал на редкость обидные, тяжелые; они били прямо в душу, как камни, брошенные умелой рукой. Сережка услыхал, что он, Сергей Котиков,— «позорный выродок рабочего класса» и что «таких, как Сергей Котиков, надо вырывать и изживать с корнем».

«С корнем! — горько подумал Сережка.— Ни отца, ни матери, вырос в детдоме. Где вы его возьмете, корень-то?!»

А Шулыгин сделал паузу и неожиданно речь свою закончил так:

— Однако, принимая во внимание молодые, юношеские годы Котикова, предлагаю взять его на поруки. И пусть он под нашим приглядом докажет, что он человек, а не ферт, не обмылок эпохи, ручки в брючки, нос пятачком!

Все стали хлопать в ладоши и кричать: «Правильно!». Иван Егорович, председатель, поставил предложение Шулыгина на голосование; взметнулись руки (и Настина тоже!) — и Сережкина судьба была решена.

Жизнь Сережки пошла прежним ходом. Работал он хорошо, старательно, на заводе никто не напоминал ему о его грехе, но Сережкина душа томилась и болела.

Ему казалось, что между ним и другими рабочими встала после этого случая какая-то зеркально-прозрачная, тончайшая, но плотная стена. Вот они, друзья и товарищи, здесь, рядом с тобой, а протянешь руку — и будто наткнешься на холодное невидимое стекло. И Настя Щелокова тоже какая-то другая стала. Улыбается хорошо, приветливо, а в глазах, казалось Сережке, льдинки. Пригласил в кино — не пошла, сказала, что завтра в вечерней школе будут спрашивать по географии, надо подготовиться как следует. Может быть, в самом деле надо подготовиться по географии, а может быть, тут что-то другое, а не Гималаи да Гиндукуши. И еще томила Сережкину душу одна неотвязная, жгучая мысль: надо сделать что-то такое, чтобы сразу все поверили, что он тоже человек. Но что?

Думал об этом Сережка долго, целую неделю. И наконец все

РАССКАЗ

Земле

стало ему ясно. Тогда он пошел на центральный почтамт, купил конверт и лист почтовой бумаги и тут же за длинным столом в операционном зале написал письмо в Академию наук. В письме своем Сережка предлагал послать его, Сергея Котикова, на ракете в космическое пространство.

«Я физически здоров, ничего не боюсь и хочу что-то значительное сделать для своей Родины».

Написав эту фразу, Сережка задумался.

Писать про баллоны или не писать? Решил — надо написать. И написал все, как есть, а закончил свое письмо так:

«Меня влечет не слава, не фантазия разума, а желание очищения души от грязи прошлого. Дайте мне возможность, товарищ президент, доказать, что я человек, способный отдать свою жизнь за честь и славу Родины, а не ферт, обмылок эпохи».

Когда Сережка бросил конверт в почтовый ящик, он почувствовал — в первый раз за всю неделю! — облегчение. Но очень захотелось поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, рассказать про письмо, посоветоваться. К кому пойти? Настя сейчас в школе, дружки по общежитию в кино, они звали с собой и Сережку, но он не пошел: сказал, голова болит.

Ноги сами понесли Сережку на тихую Приреченскую улицу, где жил в маленьком деревянном домике с палисадником старик Шулыгин. Жил один, бобылем.

Приходу Сережки он не удивился. Когда тот вытащил из кармана и поставил на стол четвертинку, нахмурился и проворчал:

— Вот через нее-то у вашего брата и получаются зигзаги!

Выпили молча. Потом старик Шулыгин сказал:

— Зачем пришел? Говори!

— Да просто так, Василий Сидорович!

— Врешь! Высказывайся!

Запинаясь и тяжело дыша, как тогда на собрании в инструментальном, Сережка сказал про только что отправленное письмо в Академию наук.

— Жив не буду, добьюсь, чтобы послали в космос,— прибавил Сережка, глядя на пол себе под ноги.— И хочу вас просить, Василий Сидорович, как старого нашего производственника, чтобы вы за меня поручились... если вас спросят. Не подведу, Василий Сидорович, не беспокойтесь!..

Старик Шулыгин ответил не сразу. Подумал. Выпил еще рюмку. Крякнув, закусил краковской колбаской. И лишь потом сказал наставительно:

— Вот и выходит, что ты, Сергей, дурак!

Сережка опешил:

— Почему же это я дурак, Василий Сидорович?

— Потому что рассуждение у тебя дурацкое! — сказал старик Шулыгин своим хриплым и гулким басом. Но глаза у него при этом смеялись, и Сережке не было обидно от резкости его слов.

Он повторил:

— Вы объясните, Василий Сидорович, почему дурацкое?

— А, по-твоему, это правильно: на земле нагадить, а потом на луну — грехи отмаливать? Нет, брат, шалишь! На земле грешил, на грешной земле и отрабатывай свой грех!.. Вон на луну ракету, и ту в стерилизованно-очищенном виде послали!

— Да ведь я...

— Что «да ведь я»? Ты думаешь, ты один такой желающий? Может быть, и другие, постарше тебя, в эту дверцу стучались, да она не открывается... пока!

С этими словами старик Шулыгин встал, достал из резной шкатулки, стоявшей на столике у окна, написанную от руки бумагу и другую, с типографским штампом, с текстом, напечатанным на машинке, положил на стол.

— Читай!

И Сережка, пораженный до самой глубины души, прочитал черновик заявления старика Шулыгина в Академию наук. Старик Шулыгин тоже, оказывается, просил послать его, В. С. Шулыгина, на ракете на луну или куда нужно в космос! Писал он так:

«Учитывая, что при опытных полетах существует известная опасность для жизни, считаю: допускать к таким полетам молодежь было бы неразумно. Мне 59 лет, три четверти жизни уже прожито, и в случае неблагополучного исхода будет все же не так обидно. А молодежь, она еще успеет поработать по освоению необъятных просторов космоса по проторенной нами дорожке».

Бумага с текстом, отпечатанным на машинке, была ответом. Ответ был строг, прям и прост. В. С. Шулыгина благодарили за его высокие патриотические чувства и сообщали, что пока космическое пространство предполагается изучать лишь с помощью автоматической аппаратуры. Однако при этом многозначительно просили учесть большой наплыв желающих лететь на космических снарядах.

Сережка отодвинул от себя бумагу и посмотрел на Шулыгина. Тот сидел прямой, насупленный. Но глаза под лохматыми, не тронутыми сединой бровями по-прежнему улыбались.

— Понял? — спросил Шулыгин.

И Сережка не нашелся, что ему ответить.

...Пробыл он у Шулыгина полтора часа. Старик вышел на крыльцо проводить гостя. Ночь была сырая, холодная, луна плыла в облаках, лишь на минуту — другую появляясь в облачных промоинах.

Сережка, задрав голову, смотрел на небо. Когда луна выглянула из-за облака, он сказал:

— Вон она! Прячется!

— Никуда ей, брат, теперь от нас не спрятаться! — сказал старик Шулыгин и, положив Сережке руку на плечо, буднично и весело прибавил: — А что, парень, если нам с тобой в субботу на рыбалку удариться? Будет клев?

— А как же, Василий Сидорович! Щука знаете, как берет!

— Махнем?

— Махнем!

Они попрощались, и Сережка пошел по пустынной Приреченской. Шел, посвистывая, твердо ступая по родной, теплой земле.

Поклонник талантов

РЕШЕНИЕ приобщиться к культуре Серафим Сергеевич принял в девятнадцать ноль-ноль по московскому времени.

— Действительно ерунда получается! — корил он себя.— Неделю прожил в столице и не удосужился побывать в театре.

Серафим Сергеевич представил себе, как дочь Валентина иронически улыбнется и скажет:

«Что, опять времени не хватило? Ну конечно, если бы командировка длилась месяца три, тогда ты, пожалуй, выкроил бы вечерок...»

На этот раз он не даст повода для насмешек. Но вот задача: в какой театр пойти? В Большой? Туда за полчаса до начала билета не достанешь. И вообще, опера не была стихией Серафима Сергеевича. Последний раз он был в ней лет двенадцать назад, слушал «Кармен». И потом, делясь впечатлениями с женой, сказал, что, по его мнению, Хозе должен был убить Кармен не в последнем действии, а значительно раньше.

— Пойду-ка я в Малый театр,— завязывая галстук, решил Серафим Сергеевич,— да и от гостиницы рукой подать.

С мелкими разведывательными группами театралов, алчущих билетов на «Таланты и поклонники», командированный встретился еще на дальних подступах к театру, а у памятника Островскому они стояли стеной. Александр Николаевич Островский, сидя в кресле, с ласковой улыбкой смотрел на поклонников своего таланта.

Похоже было на то, что попасть на спектакль не удастся. И вдруг, когда не оставалось и тени надежды, счастье улыбнулось Серафиму Сергеевичу. Его чуть не сбил с ног высокий мужчина с биноклем и, не замедляя хода, спросил:

— Билет нужен?

— Конечно!

— Тогда скорее за мной... Опаздываем!

Едва они сели в кресла, погас свет — и занавес подняли. По мере того, как судьба провинциальной актрисы Негиной становилась трагичнее, на душе Серафима Сергеевича светлело, будто там зажгли лампы дневного света. «Чудесно играют,— думал он,— будет о чем рассказать дочери!»

В антракте командированный и его новый знакомый прохаживались по фойе. С апломбом театрального критика Серафим Сергеевич доказывал, что уже по первому действию можно судить о мастерстве актеров и превосходной режиссуре.

— Вы только вспомните, как хороша Домна Пантелевна! А сколько силы у этого важного барина Дулебова... Приятно смотреть игру столичных артистов!

— Почему столичных? — поднял брови знакомый.

— Странный вопрос. Ведь мы в Малом театре.

Знакомый улыбнулся и сказал:

— Вернее, в его здании. Сам Малый театр уехал на гастроли, и сейчас здесь играет театр города...— И он протянул программу.

Серафим Сергеевич посмотрел на титульный листок, и в его груди внезапно погасли лампы дневного света: это был тот самый город, в котором он вот уже три года пребывал заместителем председателя городского Совета.

Л. РОГАЧЕВСКИЙ

Смена пришла! Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Ироническая смесь

Исходящие листочки

В день выходной к отцу впорхнули дети:
— Летит с березок, папа, желтый лист!..
Папаша был немножко формалист,
И ребятишкам он рассеянно ответил:
— Ну что же, дочка и сыночек,
Давайте поглядим,
За номером каким
Пошел у нас листочек...
Без номера!! Проставим номерочек!

Н. КИРЬЯНОВ

г. Тула.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Два взгляда на пластмассы

У нашего Тараса
Два взгляда на пластмассы:
Взирает
с умилением.
Внедряет
под давлением!

Как в чудном сне

Конструктор Эн свой новый труд
Принес комиссии на суд.
Весьма солидные мужи,
Чтоб оправдать посты и ставки,
Вносили долго в чертежи
Поправки,
Вставки
И добавки.
Мудрили,
Крыли,
Разносили,
Ругали,
Жали,
Предлагали...

И вместо полуавтомата
Явился редкостный урод,
Совсем как в чудном сне когда-то:
«Полужуравль и полукот»!

В. ИВАНОВ

Ленинград.

РЕЦИДИВИСТ-ОРИГИНАЛ

Наследие старинных правил
Он странно понимал подчас:
Женившись в двадцать пятый раз,
Серебряную свадьбу справил.

А. КЕНЦИС

г. Зыряновск.

Таджикские миниатюры

Неуместный вопрос

Мальчик купил в магазине папиросы. Некий прохожий сказал:

— Куда, мальчик, несешь папиросы? Смотри, я скажу твоему учителю.

— Учителю и несу.

Логично...

Однажды Афанди, придя на колхозную мельницу, стал ссыпать в свой мешок чужую пшеницу.

Люди у него спросили:

— Афанди, почему ты ссыпаешь в свой мешок чужую пшеницу?

— Я полусумасшедший,— ответил Афанди.

— Так если ты полусумасшедший, то отчего же ты не ссыпаешь свою пшеницу в чужой мешок?

— Тогда бы я был совсем сумасшедшим!

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Говорят: «рожден поэтом».
Может быть, но суть не в этом.
Нам важнее знать одно:
Что поэтом рождено!

И. ТАРАБУКИН

г. Свердловск.

Все дело

— Как ты думаешь, он выйдет на орбиту!

ИСТОРИКИ — люди дотошные. Их интересует все. Изучая документы архивов, читая старые рукописи, рассматривая предметы, найденные при раскопках, они стараются полностью воссоздать картину бытия своих далеких предшественников.

Ни одна мелочь не может укрыться от их зоркого, проницательного взгляда. Они поведали миру о римском водопроводе и о почтовой связи в древнем Новгороде, о том, чем торговали купцы Пантикапеи и что представляли собой лечебницы Пергама.

Определенная часть исследований посвящена пожарам. Почему, например, сгорел прекрасный храм Артемиды?

Не исключено, что о пожарах станут писать и в будущем. И какой-нибудь историк тридцатого века вдруг заинтересуется вопросом, как и чем гасили пожары в веке двадцатом. И тут, не приведи бог, попадется ему на глаза такой бессмертный документ, как акт о пожаре, составленный в поселке Свободном, Базарно-Карабулакского района, Саратовской области.

Любитель старых манускриптов, докладных и утративших силу циркуляров будет слегка шокирован. Ну, хотя бы тем, что пожары гасили... бензином. В пункте «14-д» акта он прочтет анкетный вопрос: «Указать, кто отличился при тушении пожара». Ответ на вопрос гласит: «Начальник ГПК тов. Шилов — перегибая выкидные пожарные рукава, стремился, чтобы рукав лопнул».

Словом, все наоборот. Героем борьбы с красным петухом был тот, кто старался вывести из строя пожарный инвентарь. И правильно старался. Но лучше расскажем все по порядку.

...Загорелся дом пенсионера Ф. И. Каранова. Как изложено в акте, «дочка хозяина... поставила на керосинке готовить суп (бульон) . для отца, а затем ушла по другим хозяйственным вопросам и к отцу внутрь дома. Через несколько минут прибежали рабочие с откормсовхоза и стали кричать: «Горят сени дома!»,— а затем огнетушителями затушили керосинку и сени».

Казалось, все. Инцидент исчерпан. Пожар ликвидирован. Но в этот роковой финальный момент приехали пожарные. Они смело ринулись на крышу дома, по которой, как и полагается, не замедлила ударить струя... по привычке хочется сказать: воды. Но увы, рукав извергал не воду, а... бензин.

К тушению погашенного пожара был привлечен бензовоз Березовской РТС. В кабине его сидели шофер Бульенщиков и завхоз РТС Лукьянов. Быстренько наполнив цистерну водой и не подозревая, что в ней, кроме того, остался бензин, они прибыли на место происшествия.

Как поведали очевидцы, ког-

ГРУСТНЫЙ ИТОГ

Я случай рассказать хочу
В порядке поучения.
Моя знакомая
К врачу
Ходила на лечение.
У ней то астма, то мигрень,
А то болезнь иная.
Вот так «страдала» каждый день
Несчастная «больная».
Хотите знать, каков итог!
Она — здорова,
Доктор — слег!

И. МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

ЧУДОТВОРЕЦ

Краснощекий, чернобровый,
Он работал всем на диво:
Он в бидончик трехлитровый
Влить сумел пять литров пива!

Б. БОРИСОВ

Совет театру Моссовета

Любя проказниц из Виндзора,
Своих не забывайте вы.
Не отводите гордо взора
И от проказниц из Москвы.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Экземпляр

Называя маму дорогою,
Шлет он ей то письма, то записки.
Пишет их не собственной рукою —
Собственной диктует машинистке.
Говорит:
«Бери копирку, Клара,
Сразу два отстукай экземпляра!..»
Подписавши весточку двукратно,
Копию он в канцелярском стиле
Подшивает к делу аккуратно,
Чтоб ему
бездушье не пришили.

В. ЛАГОДА

г. Киев.

Перевел с украинского
В. Корчагин.

ШУТКИ С КОРОТКИМИ ХВОСТАМИ

Себя ответственным считая,
Иной везде кричать готов:
— Я головою отвечаю!
А сам на деле безголов.

Медведица мечтает сдуру
Диетой
выправить фигуру.

В. ХАРИН

г. Киев.

Однобокая одаренность

Есть у него дар слова.
Смело
Привык он брать в речах разбег.
Одно лишь плохо: даром дела
Не обладает человек!

А. МАЛИН

г. Симферополь.

ЕЩЕ О ПРИПИСКАХ

СЧЕТ.

Прошу уплатить мне за работу (ковка лошади 6 ног по 10 руб. за ногу) 60 рублей.

Куринов.

ЕЩЕ О ЗДРАВОМ СМЫСЛЕ

Выписка из приказа № 16 по Боровичской городской типографии:

Восстановить на прежнюю работу наборщиков тт. Емельянова Ю. П. и Громову Н. Г., согласно решения месткома, которая не считаясь с нуждами производства и выполнении государственного плана, несмотря на то, что они имеют квалификацию печатников того же разряда.

Директор Беньямин.

Копии сняла Л. КЛЮСС.

г. Новгород.

Рисунок В. ЖАРИНОВА.

— Видела вашего мужа с очаровательной блондинкой!..

в бульоне...

да огнеопасная струя из шланга окатила пожарных, они попадали с дома, как горящие головешки. Дом снова вспыхнул, но уже с новой силой. Все-таки бензин не керосин, а мощный бензовоз не керосинка...

Обгоревших пожарных отправили в больницу, а огонь в конце концов кое-как снова затушили. Недаром тов. Шилов стремился, чтобы рукав лопнул... И он-таки, к счастью, лопнул!

Произошла глупость, окончившаяся весьма трагично. Совершилось головотяпство, достойное быть описанным в щедринской «Истории одного города». Казалось, так бы это и надо квалифицировать в акте. К тому же и назвать конкретных виновников.

Но авторы исследуемого документа постарались на бумаге ликвидировать пожар быстрее, чем он был уничтожен в действительности. О причинах, повлекших за собою многие неприятности, они пишут очень скромно. На вопрос «Были ли обстоятельства, осложнившие тушение пожара?» составители акта отвечают: «Нет, кроме облитости тесовой кровли горючим из бензовоза».

Серьезного значения «облитости», как видно, не придали. А по ходу заметили с досадой: «Дом сгораемый (кругляш) рубленый». Нам кажется, однако же, что это обстоятельство ничего не меняет. Даже если несгораемые шкафы поливать высокооктановым бензином,— и те будут пылать ярким пламенем.

Единственной виновницей всего случившегося осталась в конце концов школьница, которая «поставила на керосинке готовить суп (бульон)». Все дело в бульоне!.. О том, какие по пожару приняты меры, сообщается: «Домовладелец предупрежден».

Короче говоря, облили дом бензином, основательно подпалили его и еще хозяину предупреждение вынесли.

Документ поистине уникальный.

Мы бы не стали писать о нем, если бы не опасались, а вдруг он попадет в руки историкам гридцатого века! Надо все-таки его опровергнуть. Ведь не часто же встречаются у нас борцы с огнем, которые гасят пожар бензином. И не на каждом шагу увидишь таких бюрократов от огня, какие составляли анализируемый акт.

Остается назвать их титулы и фамилии: инспектор пожарной охраны района Чембарцев, депутат Свободинского поселкового Совета Захарова, инспектор райотдела Госстраха М. Каранов, начальник охраны хлебоприемного пункта Худяков.

В конце акта снова стоят знакомые нам слова: «Домовладелец предупрежден». А может, еще кого надо было бы предупредить? Тех, кто горит и не сгорает.

Бор. ЕГОРОВ

ГАЗЕТА

ВОКРУГ СВЕТА и ТЬМЫ

30 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Милый читатель! Если вас смущает число, каким датирована наша газета — 30 октября 1969 года,— то спешим разъяснить: это не ошибка. Это шутка.

Дела у советских людей идут прекрасно, мир восхищается нашими успехами. Отчего же и не пошутить по причине превосходного настроения! Вот мы и решили представить себе, как могли бы выглядеть страницы газеты «Вокруг света и тьмы» через десять лет.

В своих мечтаниях мы исходим из: а) непоколебимой уверенности в том, что великие планы советского народа будут выполнены и перевыполнены; б) убеждения, что разум все-таки восторжествует и Запад примет советские предложения о полном и всеобщем разоружении; в) предположения, что ракетоплавание в космосе войдет к тому времени в наш быт так же прочно и органично, как, скажем, в наши дни вошел водопровод.

Только заранее оговоримся: мы не экономисты и даже не фантасты, тем более не пророки и уж подавно не утописты. Мы всего лишь юмористы и сатирики. И потому мы приглашаем вас помечтать не с арифмометром в руках и не с нахмуренным в раздумьях челом, а с улыбкой, точнее говоря, с веселой улыбкой, а лучше даже с озорной.

Ну, а как насчет всяческих темных пятен и темных личностей через десять лет! Может быть, следовало выбросить из названия этой газеты слова «и тьмы», потому что будет один сплошной ослепительный свет! Как уже отмечалось выше, мы не утописты...

Вполне возможно, что кое с чем из опубликованного в этом номере нашей газеты иной читатель не согласится. Что же, милости просим, заходите в редакцию— посидим, обсудим. Только не сейчас, конечно, а 30 октября 1969 года, когда выяснится, что в нашей газете соответствовало истине, а что — совсем наоборот. Тогда и поговорим.

Интервью со скептиком

Вчера в гостинице «Беларусь» мы проинтервьюировали американского бизнесмена мистера Арчибальда Брокера.

— Мистер Брокер,— спросили мы его в начале нашей беседы.— Еще десять лет тому назад, в 1959 году, вы заявляли, что торговать с большевиками опасно и неразумно. Что привело вас сейчас в Москву?

— Видите ли,— ответил мистер Брокер,— я приехал для того, чтобы попытаться купить у вас партию настольных термоядерных реакторов. Эти небольшие штучки, которые выпускаются, если я не ошибаюсь, в Уфе, имеют грандиозный успех во всем мире. Посудите сами: раз в год вы наливаете в этот домашний реактор стакан воды и 365 дней получаете в любом количестве тепло и электроэнергию.

— Значит ли это, что вы изменили свой взгляд на международную торговлю?

— Когда есть возможность хорошо заработать, мои взгляды автоматически приходят в соответствие с этой возможностью. В принципе же я по-прежнему против торговли.

— Какого вы мнения о достижениях Советского Союза в области промышленности?

— Видите ли, я всегда говорил, что социалистическая экономика никогда не сможет сравняться с капиталистической по своей гибкости. Теперь уже безусловно ясно, что я был прав. Именно отсутствие этой гибкости и привело к тому, что ваш рынок буквально захлестнут чудовищным изобилием товаров. Начиная от индивидуальных вертолетов и до пальто с электронным отоплением — все у вас выпускается в таких количествах, что вам приходится два раза в год снижать цены. Уже сейчас ваши цены составляют треть американских.

Точно такой же хаос наблюдается у вас и в области производительности труда. Выпустив джина из бутылки соревнования, Советы больше не в состоянии справиться с гигантски выросшей производительностью труда. Именно поэтому ваше правительство так торопливо сокращает рабочий день.

Мой друг и единомышленник профессор Бамп подсчитал, что скоро ваши рабочие будут иметь вдвое больше свободного времени, чем в 1959 году. Чтобы бороться с этим, вы вынуждены очертя голову броситься на строительство все новых и новых театров, дворцов культуры, стадионов и прочего.

Следует отметить, что я по-прежнему полон оптимизма в отношении исхода соревнования между нашими двумя системами. Хотя вы, русские, и опередили нас по производству стали, добыче нефти, производству продуктов питания, мы по-прежнему неуязвимы для вас в области производства таких решающих продуктов, как кока-кола, пепси-кола, комиксы и музыкальные ревю.

Вряд ли можно ожидать, что в ближайшем обозримом будущем вы, русские, сможете догнать нас по этим товарам.

Впрочем, зачем я вам говорю все это? Все равно вы никогда не осмелитесь напечатать это интервью.

«ДЕЛО О ХРИЗАНТЕМАХ»

Немецкие газеты сообщают о состоявшемся в Бонне любопытном судебном процессе, получившем название «дела о хризантемах». Суть дела такова.

Некто А. Конрадауэр, пенсионер, имеет свой индивидуальный сад, в котором выращивает кактусы различных видов. К участку г-на А. Конрадауэра примыкает сад другого цветовода-любителя, который занимается выведением новых сортов хризантем.

В одну из темных осенних ночей Конрадауэр разобрал забор и проник на территорию соседа, где вырвал с корнем и растоптал 17 кустов хризантем.

На суде г-н Конрадауэр более чем странным образом мотивировал свой поступок. Он заявил, что хотел объединить оба участка под своей эгидой и собирался расчистить соседскую территорию в целях насаждения там кактусов.

Защитник Конрадауэра просил суд о снисхождении к подзащитному. Он подчеркнул, что действия г-на Конрадауэра объясняются пережитками милитаризма в сознании и являются отрыжкой его прошлого. «Кроме того,— сказал защитник,— было бы негуманным, если бы г-ну Конрадауэру пришлось отмечать свой столетний юбилей не дома».

Суд обязал г-на А. Конрадауэра возместить причиненный ущерб и отпустил его на поруки общественности.

С. ПЕТРОВ

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН В БЕРИНГОВОМ ПРОЛИВЕ

Трудно поверить, что десять лет назад в Беринговом проливе, на том месте, где сделан этот снимок, громоздились полярные льды. Благодаря усилиям советских и американских специалистов — атомников и строителей, повернувших в пролив теплые южные течения, в этом районе удалось создать теплый, мягкий климат. Под влиянием искусственного Гольфстрима зона вечной мерзлоты стала цветущим садом.

На снимке: в доме отдыха «Мирный атом» на мысе Дежнева. Медсестра Нина Чуйко и диспетчер термоядерной станции № 88-бис Вера Белова направляются на пляж.

Фото Г. Евгеньева.

Критика и библиография

НУЖНАЯ КНИГА

Нередко на страницах нашей печати появляются такие чудовищно надуманные выражения, как «палить из пушки по воробьям», «атаковать начальство», «штурмовать», «стрелять глазами». Полностью избавиться от этих туманных и малопонятных широкому читателю архаизмов — святой долг работников слова, долг перед неумолимой современностью.

Этой актуальной проблеме посвящен труд акад. Щербархудова «Анализ некоторых архаических выражений в языке современных газет, в художественной, экономической и научно-технической литературе». С неопровержимой логикой автор убеждает читателя в необходимости отказаться от 397 слов и выражений, порожденных минувшей исторической эпохой.

Выпустив эту книгу, Учпедгиз сделал большое, полезное дело.

И. СИДОРОВ

Спорт

Увлекательное состязание

Спорт

Вчера закончилась космическая ракетная гонка по маршруту Земля — Марс—Луна—Земля. В этом увлекательном спортивном состязании, ставшем традиционным, участвовали команды 24 городов. Острая борьба разыгралась между читинцем Н. Елкиным и туляком Б. Левшиным. Многочисленные болельщики, расположившиеся со своими ракетами вдоль всего Млечного Пути, не отрываясь от телескопов, следили за поединком.

Матч неоправдавшихся надежд

Мы поблагодарили мистера Брокера, пожелали ему успеха в его торговых переговорах и обещали, что интервью все-таки будет напечатано. Так оно и появилось у нас в газете.

Очередной том «Краткого словаря»

Специальный корреспондент нашей газеты передает из Нью-Йорка.

Здесь вышел в свет 459-й том «Краткого словаря синонимов слова «капитализм» (издание нью-йоркской фондовой биржи). Том включает синонимы от «Гип-гип экономический ура-гуманизм» до «Ультрарайский кущизм». Как сообщили нашему корреспонденту члены редакционного совета, в течение ближайших четырех лет издание «Краткого словаря» будет завершено, и тем самым будет подведен итог титаническим усилиям американских экономистов, которые вот уже четверть века подбирают благозвучный синоним для слова «капитализм».

Юрий Малин («Рапидо») забивает гол.
Фото Е. Шукайского.

Более 600 тысяч зрителей заполнили вчера трибуны стадиона «Гигант», чтобы стать свидетелями одной из центральных встреч футбольного чемпионата страны. Команда ЦСК МО (Центральный спортивный клуб московских охотников) играла с футболистами ракетостроительного завода — командой «Рапидо». Надежды зрителей, ожидавших увидеть содержательную игру, не оправдались. Особенно беспорядочно действовали футболисты команды охотников. Развязка наступила за несколько минут до финального гудка, когда некоторые нетерпеливые зрители уже покинули места и поспешили к своим вертолетам. Электронносудейская машина назначила одиннадцатиметровый штрафной удар в ворота ЦСК МО, и команда «Рапидо», забив гол, выиграла матч со счетом 1 : 0.

После игры мы спросили у тренера команды ЦСК МО Аркадия Борисова, чем он объясняет неудачное выступление своих питомцев. «В последние десять лет,— ответил он,— мы мучительно экспериментируем, нащупывая наилучший вариант состава команды. В этом корень наших временных неуспехов. Но мы на правильном пути, и я заверяю любителей футбола, что к концу столетия они увидят в лице нашей команды хорошо сыгранный футбольный ансамбль».

В заключение следует отметить недостаточно четкую организацию атмосферных условий на стадионе. Почему-то отсутствовала даже такая элементарная вещь, как освежающий дождь в перерыве.

Победитель гонки Б. Шустрый

После старта повел Елкин, но буквально через каких-то сорок тысяч километров Левшин достает его. Елкин пытается уйти от своего преследователя, но Левшин «сидит» у него на стабилизаторе. Промежуточный финиш у созвездия Золотого тельца выигрывает Елкин и завоевывает таким образом оранжевый скафандр лидера.

Неудача постигла молодого гонщика А. Бойко (Одесса). Решив любой ценой догнать лидеров, одессит на вираже нерасчетливо включил четвертую космическую скорость и, не сумев удержаться, вылетел за пределы солнечной системы, за что был снят с соревнований и дисквалифицирован.

Тем временем Левшин догнал Елкина. Несколько тысяч километров они идут рядом, сопло в сопло. Перед самым приземлением к ним подтягивается харьковчанин Шустрый, и вся тройка, бурно финишируя, одновременно заканчивает гонку. Победа присуждается Шустрому, который оказался впереди на полракеты. Он стал обладателем первого приза — атомороллера «Галактика». В командном зачете победила команда калужских космонавтов.

Е. ШИРОКОВ

ХРОНИКА

ПАМЯТНЫЙ ДАР ВРУЧЕН

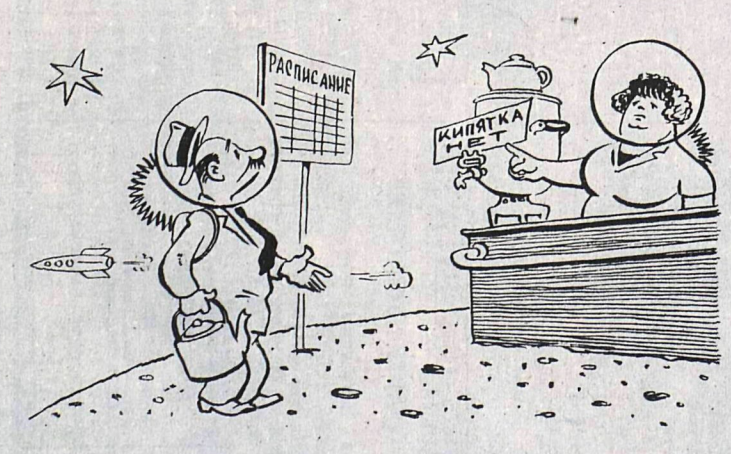
ВАШИНГТОН. В четверг посольство СССР передало памятный дар правительству США — макет новой советской искусственной планеты, запущенной в среду. Макет представляет собой гигантский пластмассовый шар диаметром 20 метров (1/65 натуральной величины).

Представитель государственного департамента тепло поблагодарил за подарок.

На отдельных планетах транзитные пассажиры не могут получить в буфете кипяток.

(Из газет).

Рисунок Е. Гурова.



— Опять нет кипятка!!
— Не кипятитесь, гражданин!

Последние могикане

...В конце уютной аллеи, обрамленной эвкалиптами, главный врач мистер Дрейф остановился и спросил нас:

— А вы не боитесь слишком сильных впечатлений?

— О, нет, сэр,— ответили мы.— Это наша специальность... Какой же репортер боится ужасов, катастроф, эксцессов?..

— Тогда следуйте за мной! — И почтенный руководитель психиатрической больницы нажал кнопку звонка сбоку от тяжелой двери.

Сперва мы даже не заметили этого входа, похожего на ворота тюрьмы или хранилища для золота. Пышная листва кустарника скрывала и дверь и самую стену здания, в которое мы вошли после того, как бесшумно раскрылись метровой толщины створы...

— А здесь у нас больные, которые отличаются буйным поведением,— пояснил доктор Дрейф.

— Это что же, шизофреники? — с интересом спросили мы.

— Нет. Главным образом жертвы исчезнувшей ныне мании, которую когда-то называли «холодная война». Вот слышите?

Жуткий вой долетел до нашего слуха. Мы невольно содрогнулись.

— Из пятой палаты? — спросил доктор у служителя, вооруженного, как огнеметчик: костюм, очевидно, сшитый из асбеста, на голове шлем с плексигласовым забралом, в руках шланг.

— Да, сэр, пятый номер начинает свой утренний концерт,— отрапортовал служитель.— Вы слышите, он кричит что-то про атомную бомбу...

— Уууууууу!..— протяжно выл обитатель палаты № 5.— Бросайте ее им на головы! Уууууу!..

Доктор Дрейф вздохнул.

— Тяжелый случай,— пробормотал он.— А как этот, из двенадцатой палаты?

— По-прежнему, сэр: сколачивает региональные вооруженные пакты. Вчерашний день опять потребовал карту мира; ту, что мы ему дали на той неделе, он исчертил до того, что уже не может понять, где там Австралия, а где Исландия. Сегодня с утра вызвал санитара и шепотом сообщил ему, что он составил новый оборонительный союз из Норвегии, Пакистана, Южно-Африканского Союза и Испании. И сам радуется, сэр, руки потирает, хихикает...

— Ну, этот по крайней мере тихий, пока у него есть карты или глобус. Давайте ему сколько угодно карт. Пусть чертит, лишь бы не кусался.

Тут доктор обратился ко мне и спросил:

— Вероятно, вы захотите посмотреть на кого-нибудь из моих пациентов?

— Был бы очень признателен, доктор...

— Ну, что же... Подойдемте к палате семнадцатой. Там есть глазок, и вы увидите сравнительно спокойного психа: он любит произносить поджигательские речи... Или нет: пожалуй, забавнее будет поглядеть на номер двадцать третий. Этот пишет листовки и тексты радиосообщений. Ну, знаете, в счет тех ста миллионов долларов, которые когда-то давали на подрывную деятельность против так называемого «восточного мира». Служитель, проводите...

И вот служитель подымает щиток, прикрывающий крохотное окошечко в палату № 23. Впечатление потрясающее: вся комната завалена клочьями бумаги. На полу сидит обитатель палаты. Его глаза дико сверкают. Волосы всклокочены. Заливаясь диким смехом, он пишет на очередном листке деревянной палочкой...

— Карандаш и ручку пришлось отобрать,— шепчет мне на ухо служитель,— пачкал все и царапал себя до крови... А этой палочкой большого вреда он причинить не может: ничего она не пишет, да ему и неважно это. Ему нравится самый процесс вождения палкой по бумаге...

Внезапно сумасшедший поднес к губам кулак и прорычал в него, словно это был микрофон:

— Здесь говорит «Голос свободной Европы». Начинаем передачу для Албании. Господа албанцы! Требуйте присоединения вашей страны к княжеству Монако! Все на площадь!

Изо рта у больного пошла пена, он завизжал, и служитель быстро опустил щиток. Но все уже было ясно.

В. АРДОВ

Объявления

К СВЕДЕНИЮ ЛИЦ, ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ПОГОДОЙ

Центральное бюро погоды сообщает, что оно принимает от отдельных граждан и учреждений заявки на погоду.

В ассортименте бюро всегда имеется хорошая, солнечная погода, различные дожди и свежий снег.

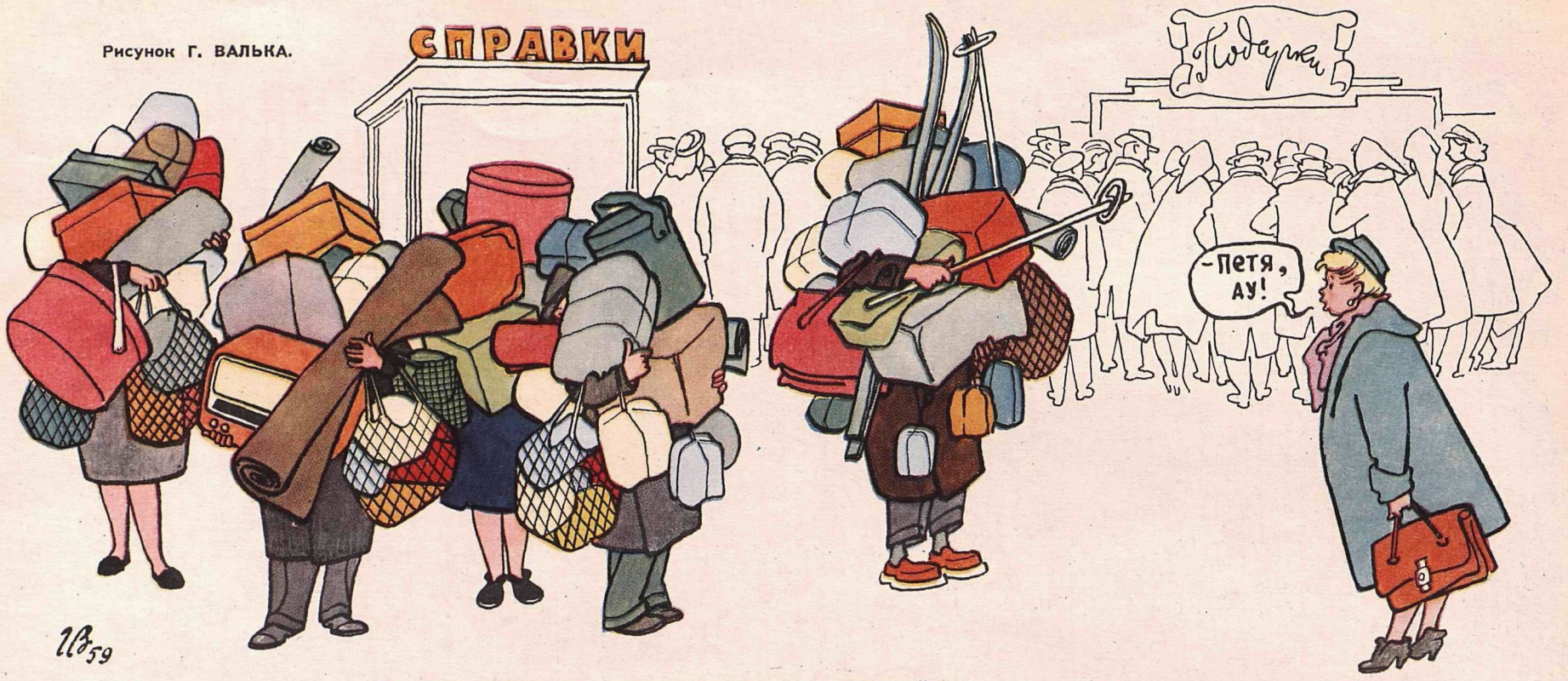
ГРАЖДАНЕ! ЗАКАЗЫВАЙТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО НУЖНУЮ ВАМ ПОГОДУ!

Ликвидком Пентагона доводит до сведения фермеров, что распродается последняя партия танков с навесными орудиями. После небольшой модернизации эти танки могут быть использованы для сельскохозяйственных работ.

Оплата по перечислению.

МЕНЯЮ отд. прекр. кварт. Саранске, сад, гараж на квартиру не менее 100 кв. м Луне, районе моря Ясности.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.



— Если вы потерялись в нашем магазине, встречайтесь возле справочного киоска.

ПОМОГИТЕ!

Не оставьте человека в беде! В городской загс гор. Коломыя поступило письмо следующего содержания:

Такого-то числа «я вступил в брак с гражданкой, фамилии которой не знаю, звать ее Неля в гор. Коломыя... Прошу вас проверить и установить, с кем был зарегистрирован брак между мною, Хатямовым Хамидом Гиббадулловичем, и гр-кой . . . . . ».

Кто-нибудь знал Нелю из Коломыи? Сообщите, пожалуйста, ее фамилию любящему супругу по адресу: Дрогобыч, Горького, 56, квартира 10. И поторопитесь: Хатямов снова сочетается узами Гименея, а для расторжения прежнего брака нужно, как это ни странно, знать, с кем он был зарегистрирован ранее.

Но теперь Хатямова не проведешь! Наученный горьким опытом, он непременно узнает у своей новой, горячо любимой супруги ее фамилию и, помуслив карандаш, запишет таковую на бумажке. На всякий, знаете, случай!

НЕДОВОСПИТАЛИ

«ХАРАКТЕРИСТИКА

на кобылицу под кличкой «Рама», с 1953 года рождения, серой масти, *за время пребывания в лесничестве в течение 4-х лет. ПОКАЗАЛА СЕБЯ НА РАБОТЕ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ в том, что во время езды боится автотранспорта.*

Лесничий Сов. Никольского л-ва Заречного лесхоза Удмуртской АССР (Федоровых)

Профгрупорг (Новоселов)».

Уголок рационализатора и изобретателя

Данас ЙОТКА

Акустогенератор

В КАБИНЕТ начальника, ловко миновав все канцелярские барьеры, проник незнакомец.

— Не могу вас принять,— жестко сказал хозяин кабинета.— Я занят.

— Я тоже,— подхватил незнакомец.— Поэтому не будем зря время терять. Вы должны помочь мне осуществить мою идею. Я изобретатель-самоучка с уклоном в акустику...

— У нас здесь не экспериментальный институт и не бюро изобретений,— возразил начальник.

— Не имеет значения. Главное — не будьте бюрократом! Идея вот тут,— изобретатель хлопнул себя по лбу,— а все расчеты у меня в кармане.

С этими словами он вытащил из кармана пачку бумаг и помахал ими перед носом опешившего начальника.

— Я открыл новый источник энергии и изобрел двигатель нового типа. Вы разбираетесь в технике?

— До некоторой степени.

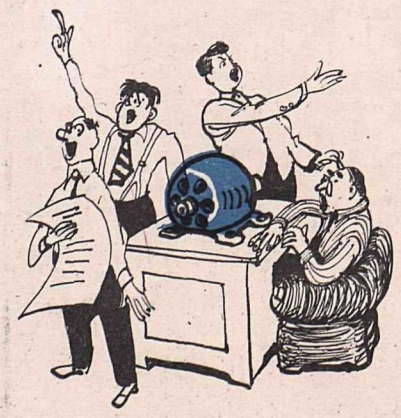
— Вот и отлично! Я объясню доходчиво и популярно. Дело в том, что нас окружает целый океан звуков, энергию которых никто не использует. Я изобрел метод, при помощи которого звуковую энергию можно превращать в механическую. Особого типа полупроводники превратят звуковые волны в электрические импульсы, а эти импульсы заставят работать мотор.

Источником звукоэнергии, допустим, будете вы, я, все ваше учреждение. Звуковая энергия человеческого голоса, которая до сих пор шла только на пустословие, будет отныне служить людям, приводя в движение машины. Свое изобретение я назвал акустогенератором.

Начальник, не мигая, смотрел на изобретателя. В его воображении стали вырисовываться контуры будущего генератора.

— Постойте, постойте!.. Я, кажется, начинаю соображать... Стало быть, ты кричишь, а там крутится... Любопытно, во что это обойдется?

— Мелочь, поначалу каких-нибудь десять тысяч... Сущие пустяки по сравнению с тем переворотом, который произойдет в нашей жизни! Представьте себе такую картину будущего: огромный зал, посередине акустогенератор. Ораторы сменяют один другого на трибуне, разглагольствуя о том, что, «несомненно, в нашей работе есть и недостатки, однако имеется ряд объективных причин...» и так далее. Тем временем звуковая энергия ораторских голосов приводит в движение конвейер сборочного цеха завода. Перед нами открываются невиданные перспективы. Скажем, вы, руководитель предприятия, не выполнили план, сорвали производственный график. И чем сильнее вы будете бить себя кулаками в грудь, чем громче каяться и кричать, тем быстрее будут работать машины на вашем же производстве, наверстывая недовыполненный план. Никто тогда не посмеет утверждать, что ваша самокритика — это пустой звук, что она бездейственна и грош ей цена... Или возьмем ваши призывы, угрозы, напоминания, указания, разносы... А бесконечные заседания, совещания, собрания — все это отныне будет служить разумной цели и приносить ощутимую пользу!



— И телефонные разговоры тоже,— мечтательно вставил начальник.

— Конечно, и телефонные разговоры, — подтвердил изобретатель.— Всех, кто любит руководить по телефону, отсиживаясь в своем кабинете, мы заставим делать полезную работу—приводить в движение машины. Вот, к примеру, одно только ваше учреждение со всей его болтовней могло бы питать энергией двигатель мощностью примерно в триста лошадиных сил...

— Это фантастично,— задумчиво промолвил начальник.— Но все-таки это — долгое дело. Кто его знает, что у вас в конце концов получится? А вот не могли бы вы помочь нам перевести звуковую энергию в механическую непосредственно, без всякого там акустогенератора? Чтобы, допустим, я крикнул погромче: «План будет выполнен!»— и чтобы машины тут же завертелись быстрее?

— Здесь я бессилен,— мрачно сказал изобретатель.— Ибо в данном случае все зависит не от вашего голоса, а от вашей головы.

Сокращенный перевод с литовского Е. МАЛЬЦАСА.

Юрий БЛАГОВ

РАДИОРЕПОРТАЖ

Судье видней!

Вниманье!.. Мы со стадиона
Ведем волнующий рассказ.
Все дни футбольного сезона
Так не захватывали нас...
Накал событий беспределен,
Назрело множество голов,
Сейчас с мячом бежит Куделин,
Верней, Фоменко, нет, Орлов...

Его с Красильниковым вместе
В одно касанье сбили с ног,
Судья, конечно, был на месте
И в пользу сбивших дал свисток...
Опять в прорыве идеальном
На штурм Красильников пошел...
Вратарь в броске феноменальном...
Мяча не взял! Он — в сетке!!! Гол!!!
Неотразимая атака,
Невероятной силы шквал,
Великолепный гол!.. Однако
Его судья не засчитал...

Пришел черед атакам новым,
Но им уже отрезан путь:
В единоборстве с Ивановым
Кузьмин Петрову сел на грудь...
Лежат все трое... Мяч в итоге
Тихонько катится вперед,
А где чьи руки, где чьи ноги,
Пока никто не разберет.
Теперь лежит сплошная масса,
Но вот судья стремится к ней,
Сейчас свисток его раздастся...
Ну, нет так нет, судье видней.
Ай, ай!.. Красильникова в схватке
За двадцать метров от мяча
Слегка толкнули... Все в порядке —
Его выносят два врача.

Судья добавить должен время...
Нет, время кончилось... Финал...
Теперь проделан будет всеми
Обычный в играх ритуал...
Вот капитаны безупречно
Здесь завершают торжество,
Благодарят судью сердечно
И двух помощников его.
Команды дружною семьею
Уходят в марше боевом,
Блеснув корректнейшей игрою
И величайшим мастерством...

Федор МАКИВЧУК

БЫЛО Б ТЕБЕ ЛУЧШЕ НЕ ХОДИТЬ...

Короткая документальная повесть об одном председателе колхоза, который сначала не любил животноводство, а потом так полюбил, что эта неугасимая любовь привела его к великой печали и воздыханию

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ колхоза Иван Григорьевич Хомич мало уделял внимания животноводству. Он просто недолюбливал эту хлопотливую отрасль сельского хозяйства.

— Животноводство — это не моя стихия, — говорил Иван Григорьевич в узком кругу своих приятелей. — Я люблю полеводство, бескрайние поля, опьяняющие запахи злаков.

А когда кто-нибудь шутя спрашивал, так ли равнодушен Иван Григорьевич и к продукции животноводства, ну, скажем, к жареной колбасе, он скептически махал рукой:

— Да! Год могу не смотреть на мясо. Мне больше по вкусу овощи.

Но тут Иван Григорьевич лукавил. Он никогда не был вегетарианцем, и если уж говорить начистоту, то следует сказать, что продукты животноводства были его подлинной стихией. Иван Григорьевич с превеликим аппетитом употреблял сметану, молоко, холодец, колбасу, а борщ со свининой был коронным номером в его повседневном пищевом рационе.

А животноводство, повторяю, недолюбливал. Уже и колхозники стали пожимать плечами:

— Что за чудеса творятся с нашим Иваном Григорьевичем? На фермы его и калачом не заманишь. О молоке и о мясе вспоминает, лишь когда из района нажмут...

Так продолжалось довольно долго. И вдруг Иван Григорьевич словно переродился. Ну, будто кто-то взял и вытряс из его души ту нелюбовь, а на ее место всыпал несколько десятков пригоршней самой чистой, самой пламенной любви к колхозной скотинке. Особенно к рогатой.

Ну, не узнать человека, да и все!

Раньше, бывало, встанет утречком, сделает физзарядку, умоется, побреется, позавтракает, послушает последние известия, а только потом идет в контору либо в поле. А теперь, не успеет солнце выглянуть из-за горизонта, и Ивана Григорьевича будто ветром сдуло. Он уже на ферме, возле телушек.

Внимательным хозяйским оком каждую осматривает со всех сторон, нагнется и поглядит на вымя, пощупает копыта, заглянет в рот, под хвост... Да все допытывается у доярок:

— Сколько молока дает вот эта симменталочка?

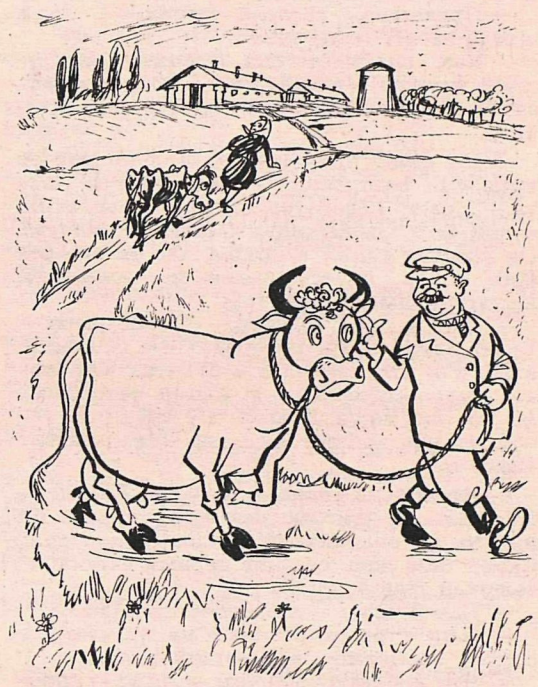
— А вот эта рябенькая?

— А вот та белоголовая, с кривым рогом?

Доярки давали каждой корове обстоятельные характеристики, называли цифры надоев, проценты жирности молока, а на душе у них был праздник. «Теперь, — думали, — пойдет дело. Раз уж сам Иван Григорьевич приковал свое внимание к животноводству — потечет молоко рекой».

Иван Григорьевич знал теперь каждую корову по имени, знал ее продуктивность, ее нрав. И коровы узнавали его. Едва только он появлялся в коровнике, буренки дружно поворачивали в его сторону головы и приветливо мычали, как бы говоря: «С добрым утром, уважаемый Иван Григорьевич! Радехоньки видеть вас в нашей хате».

Однажды утром, когда доярки подоили коров, Иван Григорьевич взял за руку заведующую фермой Яковину, подвел к молодой симменталке-рекордистке и сказал:



— Ишь ты, какая красавица! Ну, чистая тебе королева! Так ты на пастбище ее не выгоняй. Пускай постоит в коровнике.

Не знала «королева», какой изменчивой бывает иногда человеческая любовь. В тот же день на ее симпатичные рога накинули обыкновенную несимпатичную веревку и повели в село Ветровое к матери Ивана Григорьевича.

В тот же солнечный августовский день на место молодой симменталки-рекордистки поставили старую, яловую безрогую дохлятину, приведенную из Ветрового от матери Ивана Григорьевича.

А еще через несколько дней с фермы исчезло пять самых лучших стельных коров, а вместо них появились дряхлые, захиревшие создания, похожие больше на помесь осла с рогатым чертом, чем на коров.

На том и оборвалась любовь Хомича к общественному животноводству. На том и оборвалось председательство Хомича. Общее собрание колхозников единодушно заявило:

— Желаем прокатить Ивана Григорьевича на той самой дохлятине, что он пригнал на ферму!

Но потом несколько смилостивились и... прокатили на вороных.

Сидит теперь Иван Григорьевич без дела и гру-у-устно, грустно поет:

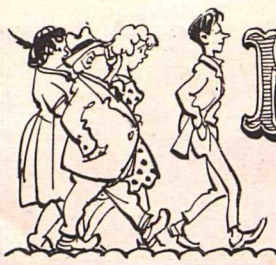
Было б тебе лучше не ходить
Да коровок лучше не водить...

Где это было? В колхозе имени Ильича, Калушского района, Станиславской области.

Кое-кто может сказать: Иван Григорьевич теперь уже отставной козы барабанщик. Зачем же о нем фельетон писать?

А так, «в назидание потомству». Чтобы нигде такого не произошло!

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.



Мы провожаем Ляльку

С. ШАТРОВ

РАССКАЗ

Рисунки И. СЕМЕНОВА

МОЕЙ сестренке Ляльке восемнадцать лет, а она совершенно не приспособленный к жизни человек: ей и приготовь, ей и поднеси, этого она не знает, того не умеет. Однажды папа попросил ее сварить борщ. Она состряпала такое, что у всех глаза на лоб полезли.

— Судя по этому пойлу,— сказал папа,— в институте нет еще семинара по борщам.

— Дело не в институте,— ответила Лялька.— Вы сами виноваты. Вы воспитывали меня под стеклянным колпаком.

— Прелестно,— сказала мама.— У нее всегда на все готов ответ.

— Как полемист она незаменимый в семье человек,— сказал папа.— Она даст сто очков вперед любому литературному критику.

— Не стоит напирать на Ляльку насчет трудового воспитания,— сказала тетя Настя.— Можно перегнуть палку. Вы слыхали, какой фортель выкинул Славка Остапчук? Он пришел домой и сказал, что твердо решил стать самостоятельным человеком. Индустриальным рабочим.

— Что ж, это толково,— сказал папа.— Будет производить материальные ценности, а не, как мы, копаться в бумагах. Он станет приспособленным к жизни человеком. Не то что наша Лялька. Ну скажите, какой из нее выйдет инженер-механизатор? Смехота!

— Правильно, папа,— сказала Лялька.— Нас растили книжниками и барчуками. Но ничего, с оранжереей будет покончено. Скоро твоя дочь сделает первый самостоятельный шаг в жизни.

— Какой шаг? — забеспокоилась мама.

— Наш курс отправляют на практику в совхоз, на целину, в Урицкий район.

— Что же вы будете там делать? — спросила мама.

— Убирать хлеб!

— В этом есть экстренная необходимость,— сказал папа.— Без моей дочери страна не соберет казахстанского миллиарда.

— Вы будете жить в степи, в палатках?— спросила мама.

— О нет! — ответил папа.— Им выстроят коттеджи с мусоропроводом и кондиционированным воздухом.

— Опять остроты,— сказала мама.— Жить мы не можем без острот. Когда я умру, он, вероятно, будет острить над моей урной.

— Пока еще никто не умер,— сказал я.

— Вот полюбуйтесь,— сказала мама.— Отец растит себе достойную смену.

Папа дал мне по затылку и сказал, чтобы я не строил из себя Ходжу Насреддина.

— Послушай,— сказал он Ляльке,— насколько я помню, тебя оставляли на лето работать в приемной комиссии института.

— Я отказалась от этой нагрузки.

— Отказалась, чтобы поехать в кустанайские степи?! Это все ты! — закричала мама на папу.— Твои разговорчики о трудовом воспитании и самостоятельной жизни!

Мама кинулась искать валерьяновые капли. Папа начал упрашивать Ляльку остаться летом работать в комиссии. Но Лялька сказала, что она не будет рыться в бумагах. Она хочет производить материальные ценности. Она поедет в совхоз и будет убирать хлеб, картошку, кукурузу, свеклу — все, что попадется под руку.

Мама схватила лекарство и заперлась в своей комнате. Она вышла только к вечеру. Глаза у нее были сухие и строгие. Она сказала:

— Надо покупать!

— Что покупать? — спросил папа.

— Все! Консервы, макароны, крупу, варенье, печенье — все, чтобы наша девочка ни в чем не нуждалась в дороге. Надо купить сахар, копченую колбасу, плавленый сыр...

— Ватник,— вставил папа.

— Лапшу, раковые шейки, аспирин, вазелин...

Весь следующий день папа, мама и тетя Настя покупали. Когда продуктами и лекарствами были забиты два чемодана и рюкзак, мама с папой передохнули малость.

Через неделю мы поехали провожать Ляльку, захватив с собой силача-дворника, чтобы он донес вещи до вагона. Лялька просила его не брать, но мама и слушать не хотела.

Мы приехали на вокзал поздно. Здесь уже было полным-полно мам, пап, бабушек. Они стояли перед длинным поездом. На дверях Лялькиного вагона был нарисован мелом здоровенный парень. Он жевал большой каравай хлеба. На груди у парня висели надписи:

«УМЕЙ НЕ ТОЛЬКО ЖЕВАТЬ! УЧИСЬ УБИРАТЬ!»,
«НА МАМУ НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ!»,
«НЕ ПИЩАТЬ!»

Пока мы читали надписи, из вагона выскочили девушки и начали обнимать Ляльку. Парни схватили вещи и мигом забросили их в вагон, так что наш силач-дворник только рот разинул.

Мы залезли в вагон. Мама огляделась по сторонам и спросила, где Лялькино место. Никто не знал. Папа вызвал дежурного. Показался высокий пучеглазый парень в очках с толстыми стеклами. Мама начала кричать на парня, что у него беспорядок, не разбери поймешь что к чему. Папа тоже сказал, что парень, видать, уже завалил всю работу и ему не мешало бы влепить строгача по линии профкома.

Пока они кричали, Лялька стояла в сторонке и кусала губы. Я видел, что она здорово злилась.

Парень попросил маму не волноваться. Все получат места, как только поезд отойдет от станции. Мама ответила, что она в этом не сомневается. Все-то получат, а Лялька обязательно не получит. Она будет стоять до самого Кустаная на одной ноге, как цапля. Тут опять вмешался папа. Он сказал, что Лялька — несамостоятельный и не приспособленный к жизни человек. Если родители не достанут ей хорошего места, она пропадет в этом проклятом вагоне.

Тут парень не выдержал. Он раскидал чужие чемоданы и поставил у стены Лялькины вещи. Мама опять осталась недовольна. Она сказала, что ни за что не разрешит своей дочери спать у стены. Там дует. Ее нужно положить посередке...

Лялька отозвала маму в сторону и шепотом начала просить ее уйти из вагона.

— Если ты стыдишься своих родителей,— обиженно сказала мама,— мы уйдем.

Мы пошли к двери. Вдруг мама потянула носом и сказала:

— Пахнет бензином!

— Здесь нет бензина,— сказал пучеглазый парень.

Но мама уже не слушала. Она закружила по вагону, пока не остановилась перед мотоциклом, что стоял в углу, покрытый брезентом.

— Чья это машина? — спросила мама.

— Моя,— ответил парень.

— Выкиньте мотоцикл,— сказала мама.

— Он очень пригодится нашей бригаде в степи,— начал было парень.

Лялька подошла к папе. На нее было жалко смотреть.

— Папа,— сказала она,— ну сделай одолжение, уведи отсюда маму.

— Что, я желаю тебе зла? — рассердилась мама и крикнула на весь вагон: — Товарищи мамы, можно везти здесь бензин?

Мамы зашумели.

— Да нет тут бензина! — сказал парень.

— А я говорю, есть! В мотоцикле! Они начнут курить, и вагон вспыхнет, как спичка. Ты слышишь, Васюков?

— Слышу,— ответил папа.

— Что же ты молчишь?

— Где огнетушитель? — заорал папа.

— К черту огнетушитель! — крикнула мама.— Надо бежать за начальником станции!

Мама бросилась к двери, за ней папа, за папой я. На перроне играла музыка. Студенты, держа руки в боки, танцевали какой-то танец. Вокруг стояли папы и мамы. Здесь мы и нашли начальника — сухонького старичка в широченных железнодорожных штанах. Большая красная фуражка сползала ему на глаза. Он щелкал по козырьку, и фуражка возвращалась на место. Старичок-начальник тоже хлопал в ладоши и поднимался на цыпочки, чтобы лучше разглядеть танцующих.

— Чудесная картинка для стенгазеты,— сказал папа.— Человек в служебное время бьет в ладоши.

— Ладушки, ладушки,— пропела мама,— а в вагонах творится что-то ужасное.

— Где, в каких вагонах? — испугался начальник.

— Вы начальник станции или солист ансамбля песни и пляски? Вы разве не знаете, что у вас возят бензин?

— Вы бы еще загрузили состав динамитом, пироксилиновыми шашками, тринитротолуолом! — сказал папа.

— Каким тритритрол...— запнулся старик. Он не мог выговорить этого слова.

— Тринитротолуолом,— строго повторил папа.— Если уже разучились говорить, ушли бы лучше на пенсию.

Начальник ничего не ответил. Он поспешил за нами. В вагоне опять поднялся крик. Парень клялся и божился, что в мотоциклетном бачке не бензин, а вода. Старичок отвернул пробку и понюхал. За ним понюхала мама.

— Ну как? — спросил парень.— Бензин?

Мама взяла меня за руку, и мы начали уходить.

— Буксы еще проверьте, мадам! — крикнул ей кто-то вслед.

Студенты засмеялись.

— Гы-гы-гы! — передразнил папа.— Остряки-самоучки!

Лялька сорвалась с места и выпрыгнула из вагона. Она побежала на самый край платформы. Мы едва нашли ее. Она стояла, прислонившись к железному столбу. У нее был такой вид, словно она заболела.

— Ну что ты разнюнилась? — спросила мама.— Чего ты стоишь на самом солнцепеке с непокрытой головой?

— Ах, мама! — сказала Лялька.— Зачем вы это сделали? Теперь мне совестно в вагон зайти.

— Совестно? Глупенькая! — сказал папа.— Если бы мы не отвоевали места посередке, его бы захватил другой. Так в жизни всегда бывает.

— Уж лучше ты, чем другой,— сказала мама.

— Чудачка,— сказал папа.— Надо быть самостоятельной, напористой. Иначе в жизненной сутолоке тебя затолкают.

— Я не хочу толкаться,— сказала Лялька.

— Ты должна понять одну вещь,— сказал папа.— Пока на свете существуют боковые места, приходится бороться за место в середине.

— Довольно! Хватит, папа,— сказала Лялька, и мне показалось, что голос у нее стал какой-то самостоятельный.— Будем прощаться!

Мама не стала прощаться. Она начала объяснять Ляльке, на каких станциях ей можно выходить и где нельзя, какие продукты съесть в первый день, какие во второй и какие на обратном пути.

— Продукты вам придется взять обратно,— сказала Лялька.— Они не нужны мне. С нашим эшелоном едет столовая. Есть врач и аптека.

— А не лучше ли взять продукты? — спросила мама.

— Нет, не лучше,— сказала Лялька.

— Васюков, зачем же я все покупала?— спросила мама.

— Не знаю,— ответила Лялька.

Она обняла папу, маму и меня и, не оглядываясь, пошла к своему вагону.

— Быстро она закруглилась с нами,— сказал папа.

Мы еще постояли немного и потом вышли на вокзальную площадь. У троллейбусной остановки нас нагнали парни из Лялькиного вагона.

— Возврат за ненадобностью,— сказали они и положили перед нами на землю рюкзак и чемодан.

— Это нам назло,— сказал папа.— Самостоятельность свою показывает.

Папа взял силача-носильщика, и тот усадил нас в такси. Мама была очень расстроена.

— Вот тебе благодарность за все,— сказала она.— За бессонные ночи, за волнения, за то, что я, высунув язык, три дня бегала по городу и закупала консервированную колбасу, макароны, крупу, аспирин...

— Стрептомицин,— вспомнил я.

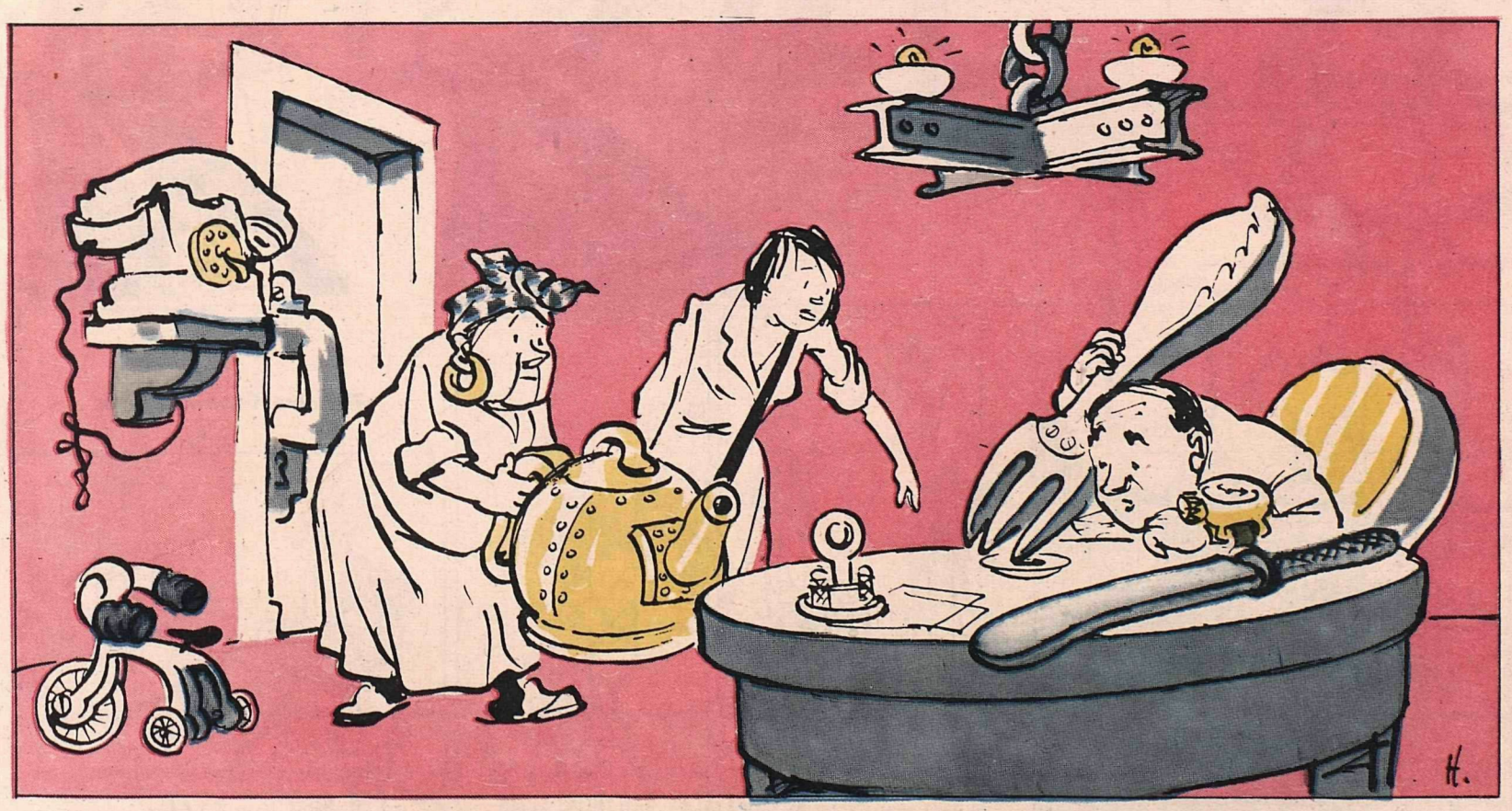
— А тебя не спрашивают! — крикнула мама.— Да, стрептомицин, и все понапрасну! Все впустую! Тебе даже спасибо не сказали.

— Спасибо нам скажут на том свете,— отозвался папа.

Я хотел было сказать, что на этом свете не бывает того света, но побоялся, так как мама может подумать, что я стал слишком самостоятельным. А за это она по головке не погладит.

ЭЙ, УХНЕМ...

Рисунок К. НЕВЛЕРА.



Тяжелые изделия легкой промышленности.

Рисунок Р. МАТЮШИНА.

Без слов.

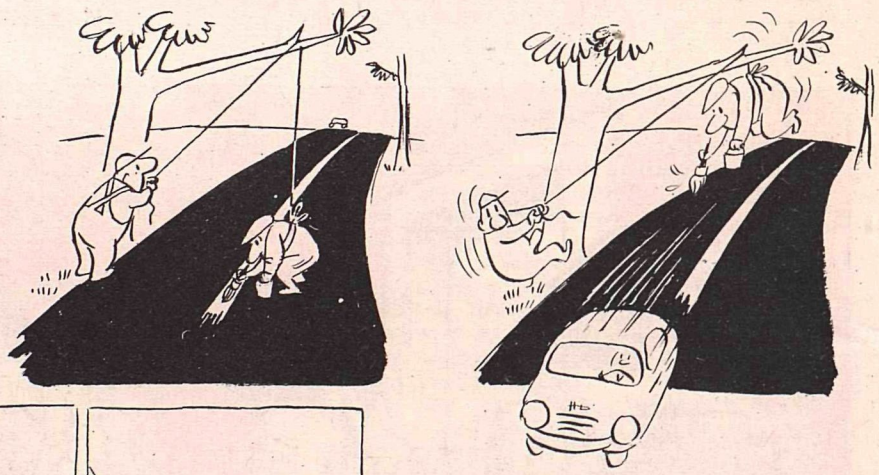
Рисунок И. СЫЧЕВА.

— Дорогая, я, кажется, забыл в самолете очки.
— Не возвращайся, а то пути не будет!

Рисунок А. КРЫЛОВА.

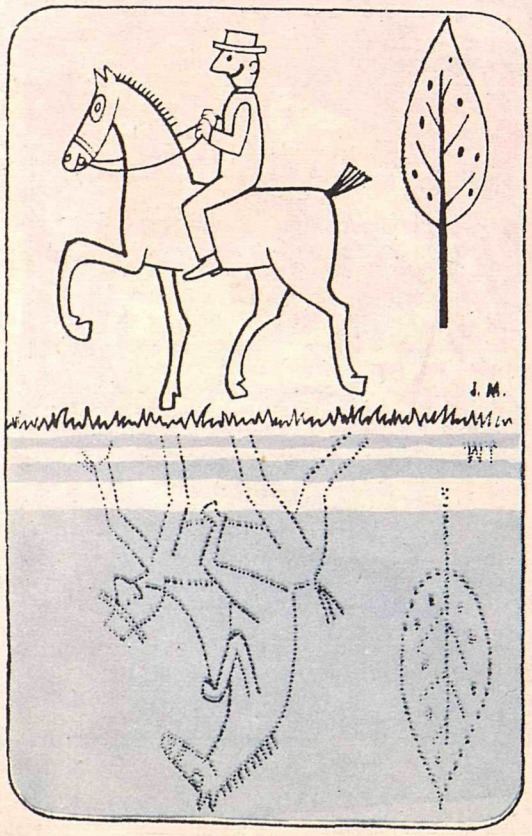
— Ну до чего же тяжелым языком написан этот роман!..

Рисунки Генриха ДЕРВИХА (журнал «Кактус», Польша).

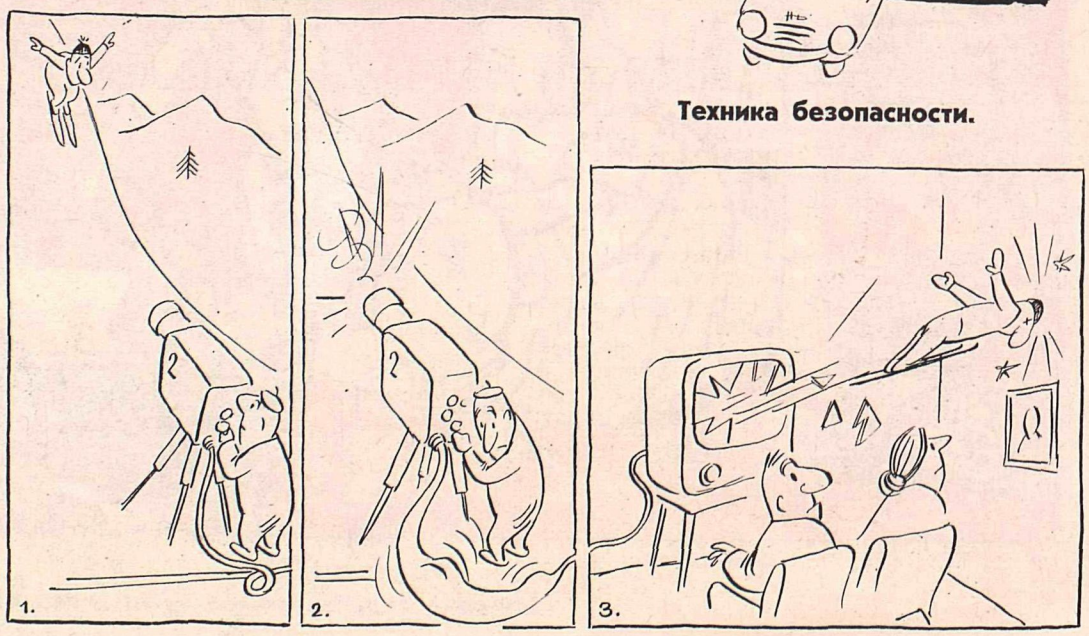


Техника безопасности.

Рисунок Я. МОЛИНА.
(журнал «Рогач», Чехословакия).



(См. рисунок в перевернутом виде).



Без слов.

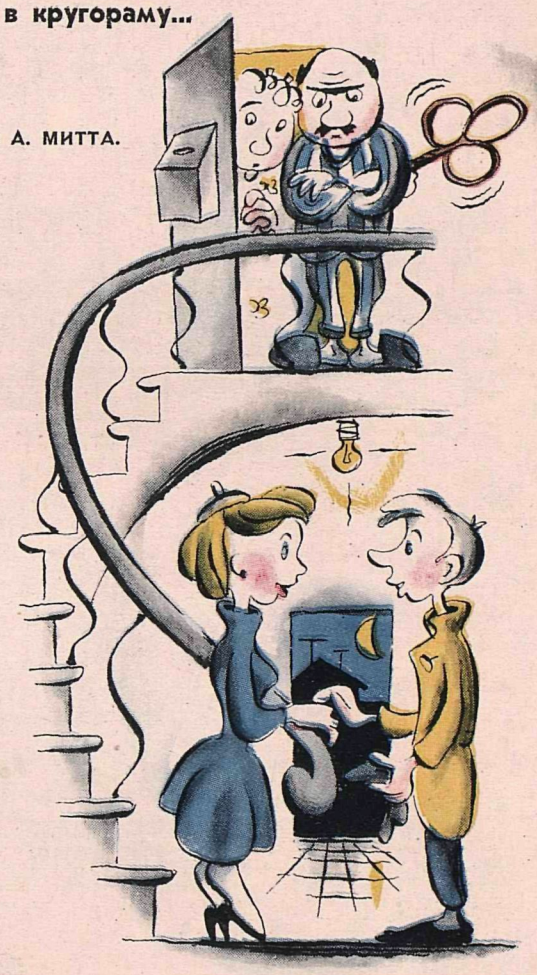
Рисунок М. ВОРОБЕЙЧИКОВА (журнал «Муштум», Узбекистан).

— Если тебя спросят, что ты подарила учителю, скажи: один цветочек.

Рисунок Ц. НЕРВИНСКОГО (Польша).

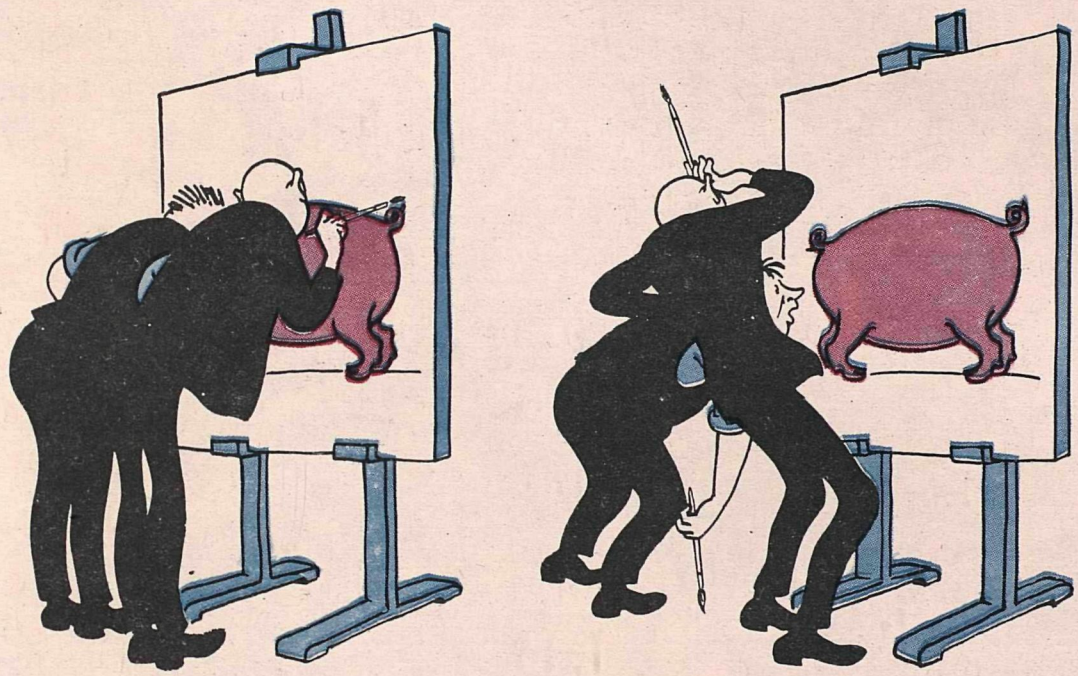
— Я иду в кругораму...

Рисунок А. МИТТА.



— Я в первый раз пришла так поздно...

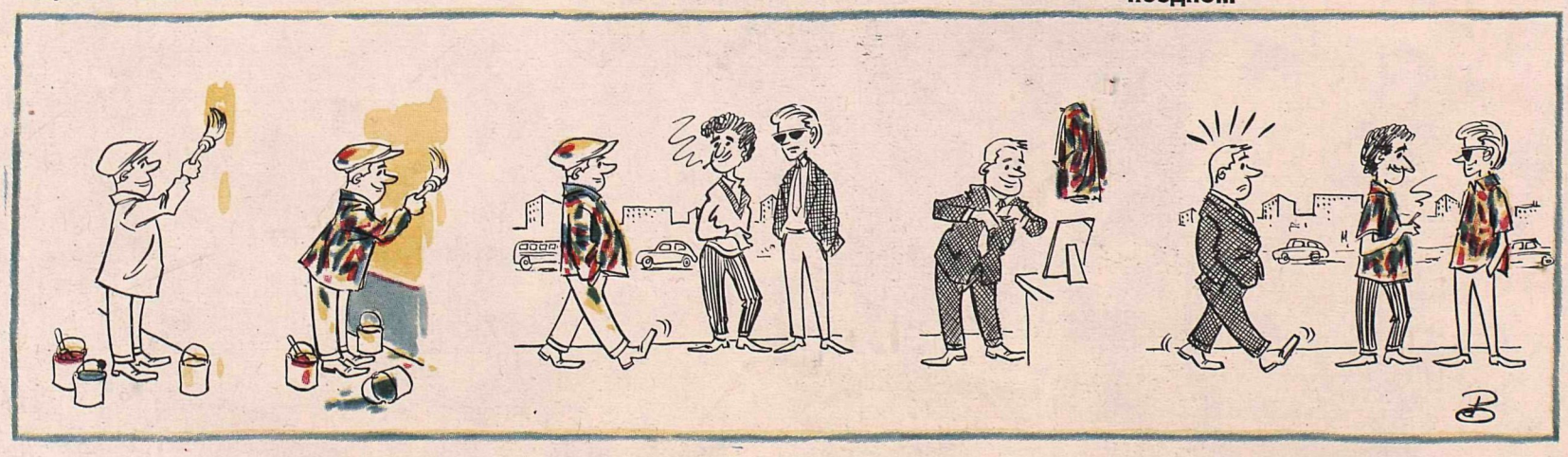
Рисунки Е. ГУРОВА по теме А. И. Завьялова (г. Иваново).



Бригадным методом

. . . . . .

Рисунок Р. ОВИВЯНА.



Без слов.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 05693. Изд. № 1316. Подписано к печати 20/X 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 2478. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

31023

10

28 ОКТ 1959

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпл.
1959 г.

ДА БУДЕТ ТАК!

— Хоть в петлю лезь!..